

DOI: 10.24412/1994-3776-2023-2-135-143

УДК: 316

Ф.С. Рубцов

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ПРЕСТИЖЕМ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ СССР

F.Rubtsov. Managing the social prestige of science and higher education: example of the USSR

Аннотация. В статье описываются технологии повышения социального престижа науки и высшего образования. Разработанный автором дескриптивный каркас исследования включает рассмотрение трех социально-технологических направлений: экономического, административного и символического, – и используется для ретроспективного анализа политики советского государства в сфере науки и высшего образования. Методологическую основу составляют социально-технологический и исторический подходы.

Abstract. The article describes technologies for increasing the social prestige of science and higher education. The descriptive framework of the study developed by the author includes consideration of three socio-technological directions: economic, administrative, and symbolic, and is used for a retrospective analysis of the policy of the Soviet state in the field of science and higher education. The methodological basis is the socio-technological and historical approaches.

Ключевые слова: наука, высшее образование, социальный престиж, социальные технологии, СССР.
Контактная информация: 3193023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д.21;
e-mail: feodorrubcov@gmail.com

Keywords: science, higher education, social prestige, social technologies, USSR.

Contact information: 193023, St. Petersburg, Sadovaya st., 21; e-mail: feodorrubcov@gmail.com

В эпоху высоких технологий социальный прогресс, рост национальной экономики, повышение уровня и качества жизни населения невозможны в отсутствие должного инвестирования в сферу генерации знаний, отвечающую последним требованиям времени систему образования и подготовку высококвалифицированных научно-педагогических кадров. Переход к информационному обществу подразумевает приобретение первостепенной роли в экономике наукоемким производством, информационной и коммуникационной индустрией [17, с. 103]. При этом ошибочно полагать, будто бы ценность инженерно-технических разработок и инноваций значительно превалирует над ценностью социогуманитарных: возникновение и успешное внедрение в антропосферу новых технологий невозможно без понимания роли и места человека в современном мире, специфики общественных отношений и институтов, их текущего состояния и динамики, принципов и особенностей взаимодействия социальных субъектов друг с другом и с окружающей средой. В современных реалиях высшее образование и наука становятся фундаментом общественного развития.

Вместе с тем для представителей современной российской молодежи вопрос о необходимости получения высшего образования не находит аподиктического разрешения в силу ряда факторов:

- количество бюджетных мест и целевых квот в вузах ограничено, а стоимость обучения, особенно в ведущих университетах, для многих выпускников школ непосильна;
- размер стипендий студентов, обучающихся за счет бюджетных ассигнований, как правило, недостаточен для обеспечения жизнедеятельности, что является принципиальным для молодых людей из семей с низкими доходами;
- все большую популярность набирают альтернативные университетским программам способы получения знаний и формирования компетенций, в особенности онлайн-курсы (одна из причин тому – нарастающая неопределенность, снижение прогнозируемости будущего как на микро-, так и на макро-уровне, в результате чего привлекательность фундаментального образования «на всю жизнь» снижается перед перспективой многовекторности и гибкости профессионализации);
- зачастую основным критерием при найме работодателями сотрудников выступает не уровень образования, а профессиональный опыт;
- в условиях рыночной экономики при эквивалентных трудозатратах специалисты, имеющие дипломы о высшем образовании, в ряде случаев получают меньшую заработную плату, нежели низкоквалифицированные рабочие, и т. д.
- Отсутствие среди российских абитуриентов и студентов массового желания связывать свою жизнь с научно-исследовательской и преподавательской деятельностью объясняется:
 - относительно невысоким уровнем оплаты труда, сочетающимся с существенными интеллектуальными затратами и необходимостью более длительного обучения для полноценного профессионального роста в академической среде, нежели в других отраслях (исключая медицину);
 - невысокой скоростью продвижения, обусловленной доминированием в российской университетской культуре черт трансформирующей академической системы, фактически не ограничивающей срок пребывания на одной карьерной ступени [16, с. 53];
 - коллективными представлениями о научно-исследовательской работе как о сложной, монотонной, лишенной разнообразия;
 - стереотипностью образа чудаковатого, аутичного ученого, погруженного исключительно в собственные изыскания и разработки, отвергающего материальные блага и гедонистические ценности.

Уже более десяти лет в Российской Федерации наблюдается неуклонное снижение численности как студентов, обучающихся по программам высшего образования, так и профессорско-преподавательского персонала вузов: в первом случае с 2010/11 по 2021/22 учебный год падение составило 42,6% (с 7049,8 до 4044,2 тыс. чел.), во втором – 39% (с 356,8 до 217,7 тыс. чел.) [15, с. 204–205].

Комментируя значительное (почти в два раза) сокращение численности аспирантов за период 2010–2019 гг., экс-президент РАН А. М. Сергеев заключил: «Престиж профессии ученого и научной деятельности в целом не очень высок и существует множество карьерных траекторий, которые дают менее трудозатратный, более быстрый и монетизированный успех, чем ученая карьера» [5].

Полагаем важным рассматривать социальный престиж науки и высшего образования интегрально: конвергенция процессов производства и передачи знаний позволяет обеспечивать своевременное получение студентами качественной и актуальной информации, а также симплифицирует профессиональную мобильность тех, кто предпочитает академическую карьерную траекторию. Именно поэтому ведущие мировые университеты являются крупнейшими не только образовательными, но и научными центрами. Более того, две системы – образование и наука – находятся в тесной институциональной связи: в частности, невозможно стать признанным ученым, не имея при этом должного уровня подготовки.

Представленные доводы актуализируют изучение социальных технологий, направленных на повышение внутреннего престижа российской науки и высшего образования. Реализация таких технологий будет способствовать привлечению в сферу институционализированного производства и передачи знаний дополнительных кадров, в достаточной степени замотивированных, в результате чего отечественная наука и образовательная система сумеют выйти на качественно иной уровень.

Социально-технологический инструментарий повышения престижа науки и высшего образования. В настоящей работе под социальными технологиями понимается процесс воздействия на социальные объекты в целях достижения определенных результатов. При этом к объектам воздействия могут относиться социальные группы, институты, организации, социальные отношения и взаимодействие и т. д. [9, с. 321]. В основе реализации социально-технологического инструментария лежит базовая необходимость предварительного научного описания объекта воздействия, понимания его специфических черт, оценки текущей ситуации, а также анализа факторов внешней и внутренней среды, влияющих на его трансформацию.

Говоря о технологиях управления социальным престижем науки и образования, мы имеем в виду инструменты, позволяющие изменить общественную оценку значимости, привлекательности, ценности этих сфер – как для индивидов, так и для социума.

В силу того, что в современной России большинство высших учебных заведений и ведущих научно-исследовательских учреждений являются государственными, основным субъектом реализации технологий повышения престижа высшего образования и науки, безусловно, должно выступать государство. В советской командно-административной системе данный аспект представлялся в большей степени очевидным, однако и в настоящее время вопрос о государственном участии в управлении социальным престижем данных сфер не теряет своей актуальности (если не сказать, что является ключевым).

Применение социально-технологического инструментария на государственном уровне включает в себя следующие необходимые элементы:

- оценку и прогнозирование, мониторинг динамики общественного развития в соответствии с исходными показателями на основе полноценной информационной базы, содержащей сведения об объектах и субъектах управления;
- условия и средства, обеспечивающие качественную передачу информации через все вовлеченные в вышеуказанные процессы звенья управленческой структуры;
- возможность анализа и описания исследуемых и прогнозируемых объектов с использованием схожих методов, операций, процедур;
- корректную фиксацию информации [13, с. 164].

Управление социальным престижем науки и высшего образования мы будем рассматривать через призму трех социально-технологических направлений:

1. *экономического;*
2. *административного;*
3. *символического.*

Субстанциональной основой первого направления служит преобразование отношений и процессов, связанных с распределением и использованием материальных ресурсов, а также с рынком труда. Социальные технологии, относящиеся к данной категории, призваны трансформировать восприятие населением науки и образования посредством мер финансово-экономического воздействия на рассматриваемые системы, развития их материальной базы, а также удовлетворения потребности ученых и преподавателей в экономической безопасности.

- В рамках экономического направления возможно применение следующих технологий:
- предоставление гарантий занятости;

- создание рабочих мест для лиц, занимающихся исследовательской деятельностью и разработками;
- повышение оплаты труда научно-педагогических, научно-исследовательских работников (в том числе посредством начисления надбавок за академические достижения) и специалистов, имеющих университетское образование;
- назначение выплат;
- предоставление занятым в рассматриваемых сферах более длительного ежегодного оплачиваемого отпуска или введение коэффициента, повышающего длительность отпуска в зависимости от уровня образования работника;
- назначение пенсионных надбавок за трудовой стаж в научно-исследовательской и преподавательской деятельности;
- предоставление льгот, связанных с приобретением недвижимого имущества и/или пользованием им, льготных ставок по кредитам, а также иных видов льгот;
- улучшение условий труда и обучения, совершенствование материально-технической базы.

Безусловно, реализация социальных технологий по экономическому направлению является эффективным способом повышения престижа науки и высшего образования, однако не стоит абсолютизировать значимость приведенных методов, поскольку они способствуют удовлетворению лишь ограниченного круга потребностей. Повышение социального статуса научных работников, педагогов и дипломированных специалистов, их карьерное продвижение, властные полномочия и в значительной степени общественное влияние обеспечиваются социальными технологиями иного направления, которое мы назвали административным.

К результатам реализации административных технологий в контексте исследуемой темы можно отнести следующее:

- наличие высшего образования является требованием, закрепленным в профессиональных стандартах;
- соискатели с высшим образованием имеют приоритет при трудоустройстве и карьерном продвижении, они с большей вероятностью получают руководящие должности;
- к трудовому стажу соискателя на должность предъявляются менее жесткие требования при условии наличия у него послевузовского профессионального образования или ученой степени;
- экспертные оценки становятся имманентной частью принятия управленческих решений (в том числе на высшем уровне) в государственном и частном секторах экономики;
- научно-педагогическое сообщество имеет влиятельное представительство в органах государственной власти;
- научно-исследовательские и педагогические кадры представляются к государственным наградам за результаты своей деятельности;
- в целом происходит кренциализация и технократизация бюрократии, при которых уровень образования приобретает роль одного из наиболее значимых критериев профессионализма, а лучшей властью признается власть экспертов.

Не станем утверждать, что широкое применение экономических и административных технологий является основным для повышения социального престижа науки и высшего образования условием. Не менее значимым представляется третье – символическое – направление.

Символическое управление социальным престижем науки и высшего образования заключается во всестороннем использовании таких технологий, как пропаганда, реклама, в том числе социальная, и связи с общественностью, направленных на формирование в сознании населения привлекательности обучения в университете, научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Если эффективность мер, реализуемых в рамках

экономического и административного направлений, детерминируется их интегрированностью в сложившуюся систему общественных ценностей, то качественная реализация символических технологий позволяет трансформировать эту систему, влиять на ценностные установки населения. При этом методика воздействия должна основываться на четком целеполагании, знании принципов и механизмов манипулирования массовым сознанием.

Развитие науки и образования в СССР. Релевантность обращения к опыту советского государства для рассмотрения технологий повышения социального престижа науки и высшего образования обусловлена значительными успехами СССР: за несколько десятилетий аграрная страна, в которой большинство населения было неграмотным [2, с. 255], превратилась в индустриального гиганта. Параллельно с этим получение университетских дипломов и работа в научно-исследовательской сфере становились для граждан все более привлекательными.

В Российской империи до 1917 года наблюдался острый дефицит грамотного населения и дипломированных специалистов. В период Гражданской войны многие из тех, кто имел высшее образование, были убиты, или погибли от голода и болезней, или эмигрировали. Исторические потрясения не могли не коснуться сети университетов, которые оказались дезорганизованы и пребывали в упадочном состоянии [2, с. 255–256]. В таких условиях необходимость преодоления социальной стагнации, если не сказать деструкции, требовала от системы народного образования решения двух определяющих задач: 1) повышения уровня грамотности населения страны; 2) подготовки достаточного количества дипломированных специалистов [там же].

Статистические данные позволяют констатировать, что по обоим направлениям СССР совершил стремительный рывок:

1. за 59 лет (1920–1979 гг.) доля грамотных в возрасте 9–49 лет возросла на 55,7 процентных пунктов, с 44,1% до 99,8% [12, с. 36];

2. был запущен процесс развития системы высшего образования: если в 1914/15 учебном году в стране насчитывалось 127,4 тысячи студентов вузов, то в 1986/87 – свыше 5 миллионов, то есть почти в 40 раз больше [14, с. 19].

Темпы развития советской науки также оказались весьма впечатляющими. Вот лишь некоторые данные, характеризующие динамическую трансформацию за 46 лет (1940–1986 гг.):

- количество научных учреждений увеличилось более чем в 2 раза – с 2359 до 5070 (а с 1913 года – и вовсе в 17 раз);

- численность научных работников возросла в 15,3 раза – с 98,3 до 1500,5 тыс. человек (в 129 раз по сравнению с царской Россией 1913 года, где насчитывалось лишь 11,6 тыс. ученых);

- общее число аспирантов увеличилось в 5,7 раза – с 16863 до 96125 человек [14, с. 62–65].

Вместе с тем следует отметить, что развитие науки в Советском Союзе происходило достаточно селективно и дифференцированно, что отражает численность научных работников по отраслям наук. Так, в 1986 году триада лидеров была представлена техническими (715,7 тыс. чел., или 47,7% от общего числа ученых), физико-математическими (145,4 тыс. чел., или 9,7%) и экономическими (112,5 тыс. чел., или 7,5%) науками; в тройку аутсайдеров вошли психологические науки (4,6 тыс. чел., или 0,3%), архитектура (4,4 тыс. чел., или 0,3%) и фармацевтические науки (2,2 тыс. чел., или 0,1%) [там же, с. 63]. Наибольший средний темп роста числа научных работников в 1960–1986 гг. наблюдался в экономических (108,4%), философских (107,2%) и технических (106,8%), а наименьший – в сельскохозяйственных (103,4%), ветеринарных (102,6%) и исторических (102,1%) науках. Максимальные значения среднего абсолютного прироста (тыс. чел. в год)

фиксировались в технических (22,53), физико-математических (4,48) и экономических (3,79), минимальные – в архитектуре, ветеринарных (по 0,12) и фармацевтических (0,05) науках.

Такая квантификационная гетерогенность (в частности, безоговорочное лидерство технических наук по ряду показателей) была обусловлена потребностью национального хозяйства в технических изобретениях и инновациях, без которых индустриализация, развитие крупного промышленного производства оказались бы невозможны (эта потребность диктовалась в том числе и следующим фактом: в те годы удержание лидирующих позиций на геополитической арене требовало наличия индустриальной опоры и современного военно-промышленного комплекса).

Доминанция технических наук в советскую эпоху соседствовала с декадансом в социально-гуманитарных: некоторые дисциплины попросту находились под запретом, другие испытывали значительное влияние со стороны государственного демпфера, пресекавшего расхождение вырабатываемых теоретических положений и формируемых концепций с партийной идеологией. Так, социология после Февральской революции была, выражаясь словами Элизабет Вайнберг, «политизирована, большевизирована и в конечном итоге сталинизирована» [19, с. 8–9]. Обществоведение в СССР и странах ОВД редуцировалось к монополии марксистского учения, а социология как наука в период с 1930-х по 1950-е годы находилась под запретом. В 1956 году, после XX съезда Коммунистической партии, социальные исследователи получили некоторые послабления, и лишь в 1966 году, после XXIII съезда, социология приобрела официальное признание [там же, с. 8–11]. Как отмечает Т. А. Булыгина, исправление «идеологических вывихов» в рамках послевоенной кампании по борьбе с космополитизмом было тотальным и коснулось всех сфер общественной мысли: философии, истории, правоведения, экономики [3].

Тем не менее, мы не в силах отрицать немалые успехи СССР в развитии системы образования и науки. Бесспорно, достижение описанных выше результатов за несколько десятилетий было имманентно сопряжено с использованием целого арсенала социальных технологий: качественное изменение структуры населения и институциональные социально-экономические преобразования требуют трансформации общественного сознания (ценностей, смыслов, аттитюдов, мировоззрения), паттернов коллективного поведения, характера общественных отношений.

Социальные технологии управления престижем науки и высшего образования в Советском Союзе. Формирование социального престижа науки и высшего образования в СССР сопутствовало выполнению определенных Госпланом задач, которые были связаны с повышением уровня грамотности населения, обеспечением национальной экономики достаточным количеством дипломированных специалистов, ростом показателей научно-технического прогресса.

Реализация социальных технологий в рамках **экономического направления** берет начало в 1920–21 гг., когда при Совете Народных Комиссаров (СНК РСФСР) были сформированы Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ) и Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), которые оказывали поддержку наиболее выдающимся деятелям науки и искусства с семьями посредством выдачи в дополнение к основному пайку бесплатного академического – в 1,5–2 раза больше пайка рабочего, обеспечения предметами первой необходимости, предоставления льгот на квартиру, оплачиваемого отпуска, права бесплатного получения детьми высшего образования, выплаты пенсий. С течением времени система льгот расширялась: создавались специальные санатории и дома отдыха, дома престарелых, поликлиники, торговые кооперативы с магазинами, фермы, загородные хозяйства [7, с. 326].

Постановлением Совета Министров СССР №660 от 5 июня 1957 г. «Об оплате труда работников науки» были введены повышенные оклады для научных сотрудников, имевших ученую степень. За звание члена-корреспондента и академика АН СССР или отраслевых

академий вводились дополнительные оклады. Специалисты с ученой степенью, работавшие на предприятиях промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства, на стройках и в опытных конструкторских организациях и имевшие ученую степень, получали надбавки к окладу [8, с. 9–10].

В результате зарплата работников в должности младшего научного сотрудника (даже без ученой степени) была вдвое больше средней зарплаты квалифицированного рабочего. Присвоение кандидатской степени удваивало зарплату, докторской – удваивало повторно, звания академика – снова удваивало [2, с. 270].

Академикам в СССР были предоставлены такие привилегии:

- просторная квартира и дача в частной собственности с передачей по наследству;
- служебный автомобиль с водителем и второй – для жены;
- возможность приобретения продуктов питания и одежды в «спецмагазине» по льготным ценам;
- место на «спецкладбище» и похороны за счет государства [там же].

Всесторонняя государственная поддержка молодых специалистов – выпускников вузов – получила закрепление в Приказе Минвуза СССР от 18.03.1968 №220 «Об утверждении положения о персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения». Выпускникам высших учебных заведений было гарантировано трудоустройство: каждый из них отработывал три года по распределению. Супруги молодых специалистов, за время учебы создавших семью, обеспечивались рабочими местами даже при отсутствии дипломов. Молодым семьям предоставлялось льготное жилье, детям гарантировались места в детских садах и школах [1]. Такие меры служили не только выполнению задач социальной поддержки, но и повышению престижа университетского образования.

В 1930-х годах особым престижем среди советских граждан пользовалась карьера в вооруженных силах [2, с. 268]. Анализ источников позволяет сделать вывод, что руководство СССР обеспечивало научных сотрудников льготами и привилегиями, в ряде случаев не уступавшими льготам и привилегиям военных чинов. Реализация таких социальных технологий не могла не сказаться на престиже научной деятельности в положительную сторону.

Административные технологии затрагивали структуру средней школы, в которой было выделено две ступени: первая, 7-летняя, способствовала решению вопроса о всеобщей грамотности; вторая, 2-летняя (позже 3-летняя) фактически готовила учащихся к поступлению в высшие учебные заведения [2, с. 256]. Такая дифференциация образовательных траекторий позволила обозначить элитарность (причем исключительно в меритократическом смысле этого слова) высшего образования, получение которого представлялось прерогативой наиболее способных и трудолюбивых школьников.

Повышение социального статуса и престижа ученых в СССР в значительной степени обуславливалось целенаправленной государственной политикой, в рамках которой наука была призвана побороть идейно-символическую гегемонию религии. В этих условиях научные работники играли в политической системе роль, схожую со жрецами бога Тота в Древнем Египте, – выступали хранителями знаний [18].

Особенно почетным было положение членов главного научного учреждения страны – Академии наук СССР. Члены-корреспонденты и академики имели статус не ниже, чем представители высших военных чинов.

Если материальное и административное стимулирование населения к получению высшего образования и выбору академической карьерной траектории является вполне очевидным и довольно подробно рассмотренным в научной литературе [см.: 2, с. 264–274; 7; 8], то **символическое воздействие** еще не получило достаточного освещения.

Установление доминанции научно-атеистического мировоззрения требовало от советского руководства проведения масштабной пропагандистской кампании, которая бы побудила население к отказу от религиозных убеждений в пользу научной рациональности, однако секуляризация пространства идейно-символического взаимодействия была бы невозможной без широкого предложения массовому потребителю соответствующей информационной продукции. Более того, необходимость распространения такой продукции диктовалась и потребностью национальной экономики в образованных, высококвалифицированных кадрах. Профессор И. А. Ефремов писал: «Если для широкой пропаганды науки полезна и важна научная фантастика, то сама фантастика невозможна без серьезной популяризации науки. Таким образом, мы пришли к тому же, с чего начали, – к отсутствию хороших популярных книг по важнейшим отраслям науки» [6, с. 3].

Начала приводиться в действие политика продвижения «науки в массы». Целевая аудитория кампании была весьма пространной и включала:

- детей и подростков, которым было необходимо привить тягу к обучению и интерес к новым знаниям;
- молодежь – социальный резерв с наибольшим потенциалом;
- взрослое население, которое могло, с одной стороны, направить своих чад в желательную для государства стезю, а с другой стороны, самостоятельно использовать научные знания в трудовой деятельности.
- К символическому направлению относятся следующие меры, принимаемые в СССР:
 - издание огромных тиражей научно-популярных журналов [4];
 - учреждение популяризаторских обществ (в том числе Всесоюзного общества «Знание»);
 - создание детских и подростковых кружков (юннатов, астрономов, радиоловильцев и др.);
 - выпуск книжных серий под эгидой АН СССР;
 - производство кинофильмов о научном поиске и научных открытиях;
 - учреждение музеев науки и техники.

Для ликвидации неграмотности, популяризации чтения и массовизации просвещения правительство широко распространяло многочисленные агитационные плакаты с лозунгами типа «Все в библиотеку», «Ты помогаешь ликвидировать неграмотность?», «Книга – наш верный помощник на большевистском пути к культурной, зажиточной колхозной жизни», которые стали значимой частью советской социальной рекламы [11, с. 139]. Повышение уровня грамотности и образованности населения автоматически повышало социальный престиж интеллектуальной деятельности.

Широкое применение советским руководством социальных технологий в рамках экономического, административного и символического направлений способствовало решению нескольких задач:

3. ликвидации неграмотности;
4. устранению дефицита дипломированных специалистов;
5. развитию системы образования и науки в соответствии с требованиями индустриализации, модернизации экономики, научно-технического прогресса;
6. наконец, повышению социального престижа науки и высшего образования, формированию в сознании населения высокой ценности этих сфер.

В современных реалиях проблема управления престижем науки и высшего образования требует особого внимания, поскольку инновационное развитие экономики и переход к информационному обществу невозможны без вовлечения социальных резервов в систему генерации, обновления и передачи знаний.

Эффективность технологий повышения социального престижа высшего образования в СССР подтверждают эмпирические данные: к 1970 году, согласно результатам

социологических опросов, до 89% 16-летних намеревались поступать в вузы и считали большой трагедией потенциальную неудачу [2, с. 257]. Социальный престиж науки также возрастал: посредством экономических, административных и символических инструментов удалось добиться того, что профессия ученого едва ли была менее привлекательной, нежели профессия военного.

Впрочем, нельзя исключать релятивность социального престижа, который не является константным и может изменяться под воздействием множества внешних факторов. Так, экстенсивное развитие высшего образования в СССР и возникновение дефицита рабочих кадров на рынке труда привели к снижению престижа и преподавателей высших учебных заведений, и выпускников, которые терпели трудности с трудоустройством по специальности [10, с. 186]. В результате к 1985 году приблизительно каждый пятый из числа дипломированных специалистов «дезертировал» в ряды недипломированных, но с более высокой оплатой труда [2, с. 259]. И тем не менее, отрицать достижения Советского государства как в области развития науки и высшего образования, так и в управлении социальным престижем данных сфер не представляется возможным.

Литература

1. Приказ Минвуза СССР от 18.03.1968 №220 «Об утверждении положения о персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6758.htm (дата обращения: 23.03.2023).
2. Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование. Курс лекций. М.: Педагогическое общество России, 2001. 392 с.
3. Булыгина Т. А. Из интеллектуальной жизни советского общества. Статья третья. Советская социально-гуманитарная наука и власть в послевоенные годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №1. С. 7–14.
4. Ваганов А. Г. Наука и научно-популярная литература // Экология и жизнь. 2008. №11. С.8–15.
5. Губернаторов Е., Тадтаев К. Президент РАН заявил о двукратном сокращении числа аспирантов в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/04/2021/607ebbb09a79472b4c17838e> (дата обращения: 19.03.2023).
6. Ефремов И. О широкой популяризации науки // Литературная газета. 1953. 24 марта.
7. Зезина М. Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР / Под ред. Т. С. Кондратьевой, А. К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 326–346.
8. Кулагин А. С. За что и как платить ученому: прошлое, настоящее, перспективы // Инновации. 2015. №10. С. 8–22.
9. Курбатов В. И, Курбатова О. В. Социальное проектирование: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 416 с.
10. Логвинович Г. В. Развитие и кризисные черты в системе высшего образования СССР в 1970–1980-х годах // Вестник ТГПУ. 2018. №3. С. 186–193.
11. Мартынов Е. В. Социальная реклама как направление государственной политики в СССР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. №2. С. 132–143.
12. Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X-XX вв. // *Studia Humanistica*. Исследования по истории и филологии. СПб.: Блиц, 1996. С. 24–46.
13. Молодькова Э. Б., Тестова В. С. Социальные технологии: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 289 с.
14. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.
15. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2022. 691 с.
16. Соколов М. М. Трансформирующие и селективные системы: исследование по сравнительной социологии академических рынков и карьер // Вопросы образования. 2019. №2. С. 35–77.
17. Сухов Е. И. Информационное общество как новое общество // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С. 101–103.
18. Федор Богомолов: «Из научной интеллигенции можно сформировать “сословие экспертов”» [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2006/06/22/bogomol/> (дата обращения: 23.03.2023).
19. Weinberg E. A. The Development of Sociology in the Soviet Union. London and Boston: Routledge & K. Paul, 1974. 173 pp.